

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.166

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЛАНХОЛИИ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ З. ФРЕЙДА И Ж. ЛАКАНА

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь.

В статье рассматривается феномен меланхолии как особенный способ человеческого бытия во времени. Психоаналитический ракурс Фрейда и Лакана, исследовавших данное явление, предлагает специфическое рассмотрение устройства психического пространства: Я и интроецированный объект желания/утраты, процесс, похожий на скорбь, но невозможный для её работы. В контексте работы проводится последовательный сравнительный анализ подходов к меланхолии Фрейда и Лакана. Выявляются существенные черты их исследовательских стратегий. Проблематизируются и обсуждаются их выводы в плане значимости и эвристических возможностей.

Ключевые слова: либидо, Я, Сверх-Я, объект, утрата, желание, нарцизм, амбивалентность, меланхолия, печаль, скорбь.

Меланхолия – особый экзистенциальный феномен психической стороны человеческого бытия, по-разному содержательно фиксировавшийся в процессе трансформации историко-культурной традиции: *от атрибута человека-мыслителя до специфической формы депрессивного состояния субъекта психиатрического дискурса*. Современное рассмотрение меланхолии едва ли позволит отнести её к самостоятельной клинической единице: всё чаще таковую можно встретить при нозологическом описании разнообразных клинических форм, например, биполярно-аффективного расстройства. Тем не менее, рассмотрим, как проблематизируется меланхолия в психоаналитической традиции З. Фрейда и Ж. Лакана.

Ещё до специальной статьи, посвященной непосредственно меланхолии и определению таковой через сходство и различие со скорбью («Печаль и меланхолия», 1917), Фрейд рассуждает о ней в письме к В. Флиссу (1895), и в работе «Преходящее» (1916). Также, наиболее полное рассмотрение меланхолии Фрейдом представлено в «О введении понятия «нарцизм» (1914), «Влечения и их судьбы» (1915), и «Я и Оно» (1923). В письме к Флиссу в 1895 году Фрейд, при определении меланхолии, намекал на Эдипов комплекс, описывая враждебные импульсы против родите-

лей, которые составляют неотъемлемую часть невроза. Эти импульсы временами вытесняются, когда пробуждается сочувствие к родителям из-за их болезни или смерти. В таких случаях печаль по ним проявляется в виде склонности винить себя в их смерти (меланхолия) или по логике идеи расплаты – наказывать себя истерическими симптомами, копирующими болезни, от которых они страдали. И в рамках данной работы Фрейд понимал меланхолию как траур, спровоцированный утратой либидо.

Среди концептов, позволяющих раскрыть содержание меланхолии в рамках психоаналитического подхода наиболее полно, необходимо отметить *либидо, Я, объект, утрата, желание, нарцизм, амбивалентность*.

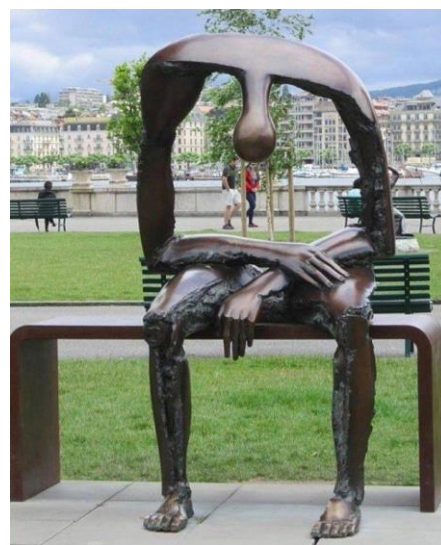
Меланхолия имеет отношение к каждому субъекту, так как субъект психоанализа – это субъект, в основании которого лежит *фигура утраты*. Впервые упоминание о печали вследствие утраты, о печали, обесценивающей наслаждение прекрасным, встречается в работе «Преходящее». Причём подобное состояние, по заверению Фрейда, кажется обычному человеку естественным. Несомненно, важным для понимания образования этого состояния является роль либидо, которое в самом начале развития обращено на собственное Я. Позднее либидо отворачивается от Я и обращается на объекты, которые мы включаем в наше Я. Но если объекты разрушаются/утрачиваются, наше либидо освобождается, берёт взамен другие объекты или временно возвращается к Я [3, с. 226–227]. Проблема заключается в том, что отделение либидо от объектов, как правило, болезненное: «либидо цепляется за свои объекты и не хочет отказываться от потерянных, даже если есть замена» [там же]. Это и есть, с точки зрения Фрейда, печаль. И здесь стоит упомянуть и Карла Абрахама, показавшего связь оральной фазы развития либидо со скорбью (печалью).

Работа «Скорбь и меланхолия» начинается с выявления структурного сходства печали и меланхолии, которые изначально связываются с утратой любимого человека, занявшей его место абстракции, Родины, свободы, идеала и т. д. Но интерес вызывает тот факт, что при одинаковых воздействиях у иных людей вместо печали, преодолеваемой со временем, проявляется вызывающая беспокойство меланхолия.

По большей части, характеристика меланхолии осуществляется Фрейдом с экономической точки зрения (в «Я и Оно» через агрессивную работу Сверх-Я Фрейд будет различать меланхолию и невроз навязчивости). Итак, меланхолия в его описании будет сопровождаться: очень болезненным, дурным настроением; потерей интереса к внешнему миру; утратой способности любить; торможением всякой дееспособности. Всё это присуще и печали. Но в работе печали победу одерживает принятие реальности и утраченный объект более не удерживается с помощью галлюцинаторного психоза-желания. И по завершении данной работы, Я снова становится свободным и ничем не стесненным. В отношении же меланхолии, Фрейд связывает таковую с недоступной сознанию утратой объекта. Он подчёркивает, что утрата любимого объекта здесь носит скорее во-

ображаемый характер, и имеет парадоксальную особенность: «когда он знает, кого, но не знает, ЧТО он при этом потерял» [2, с. 175]. В рамках данного рассуждения, резонно говорить об учреждении функции испытания реальности, описываемую через экзистенциальные суждения (суждения существования). Функция таких суждений относится к возможности нахождения в реальности существующего представления в Я. Фрейд далее полагает мысль относительно того, что мышление способно редуцировать в представлении то, что однажды было воспринято, но при этом существование объекта вовне вовсе не обязательно. Функция испытания реальности, по его мнению, состоит в том, чтобы *вновь* (*эффект новизны: повторение никогда не есть повторение того же самого*) найти соответствующий представлению субъект, убедиться, что он *всё ещё* существует, что отсылает нас к регистру повторения – сути основополагающего принципа функционирования психического аппарата – пульсации влечения в навязчивом повторении вновь найти исчезнувший объект.

В этой логике, утрата – то ключевое условие появления представления и разворачивания судьбы влечения при обнаружении нового объекта в погоне за первичным. Фрейд отмечает специфическое конституирование Я меланхолика, сопровождающееся противопоставлением одной части Я другой – критически её оценивающей и превращающей в объект, что в конечном итоге через снижение чувства собственной значимости, выражаемое посредством самообвинений, самобичевания, усиливающихся до бредового ожидания кары, приводит к моральному недовольству собственным Я, главным образом, за обнищание. А страх обнищания произрастает из «вырванной из своих взаимосвязей и регрессивно преобразованной анальной эротики» [2, с. 183]. Анальная эротика, будучи преобразованной оральной, связана с удержанием объекта без возможности его потерять. Меланхолический комплекс, таким образом, рассматривается как открытая рана, подобная чёрной дыре, притягивающая катектическую энергию, опустошающая Я до полного оскудения. Это состояние внутренней пустоты было гениально воплощено в скульптуре румынского художника Альберта Джёрджи «Меланхолия», установленной в Женеве в 2012 году [см. иллюстр.]. Я теперь исключительно недостойное, недееспособное, эгоистичное, неискреннее, морально предосудительное и унижающееся через любым другим (см. сравнение с Гамлетом). И если при печали утрачен объект и пуст мир, то при меланхолии пусто и утрачено Я. Картина «моральной мании унижения» может дополняться бессонницей, отка-

зом от пищи, преодолением влечения, которое заставляет всё живое держаться за жизнь. При этом Фрейд отмечает, что здесь «нет соответствия между степенью самоуничтожения и реальными основаниями такового» [2, с. 177].

Категория утраты, которую отмечал Фрейд, у Лакана обретает звучание в контексте желания: именно через утрату у субъекта возникает чувство подлинного желания потерянного субъекта, она непрерывно восполняет *объект а*, которого меланхолику никогда не хватает: то, чем он обладает в самой утрате, подавляет желание.

Лакан, проводя аналогию с отлучением от груди, дав изначально посылку, что грудь – это часть ребенка, имплантированная на мать, говорит о фундаментальном разложении изнутри, и грудь здесь окажется утраченным объектом-причиной желания. Это и есть то, что именуется пустотой – разложением пространства, связанным с вырезанием объекта, порождающим оральное влечение в бесконечном огибании утраченного объекта, который у Лакана предстает как присутствие лакуны, заполнить которую может любой объект. Но, если посмотреть глубже, то становится очевидным, что самообвинение здесь следует трактовать как упреки в адрес объекта любви, которые перекалываются с него на собственное Я меланхолика. Соответственно, жалобы превращаются в обвинения (*Klagen = Anklagen*), и тогда становится понятным отсутствие стыда, ибо всё уничижительное, сказанное про себя, с незначительными изменениями относится к другому, кого он любил.

Таким образом, меланхолический процесс складывается следующим образом. После выбора объекта, либидо связывается с определённым человеком, под влиянием реальной обиды/разочарования со стороны этого объекта изменяется отношение, приводящее к ненормальному отвлечению либидо и смещению его на новый объект. Но нагрузка объекта оказалась неустойчивой и прекратилась, в результате чего свободное либидо не сместилось на другой объект, а вернулось в Я в виде идентификации Я с потерянным объектом. «Тень объекта упала таким образом на Я, которое могло бы быть оценено особой инстанцией как покинутый объект» [2, с. 179]. Утрата объекта трансформировалась в утрату Я, а конфликт Я и любимого объекта – в таковой между критикой Я и Я, изменившимся в результате идентификации. Когда на некоторое время удается освободиться от «тени объекта», наступает состояние мании (не всегда и не у всех), но власть объекта настолько велика, что человек неизбежно возвращается в тоску.

Возвращаясь к мысли о том, что меланхолия случается у иных людей вместо печали, Фрейд отмечает для таковых сильную фиксацию на объекте любви, низкую сопротивляемость объектной нагрузки. Упоминание ранее оральной фазы развития либидо в этом контексте обретает определенный смысл, поскольку идентификация – это предварительная ступень выбора объекта, и связана с его поглощением, что дает некоторое обоснование отказа от пищи при тяжелых формах меланхолии. Таким об-

разом, Фрейд под влиянием О. Ранка приходит к гипотезе, что предрасположенность к меланхолии связана с преобладанием нарциссического выбора объекта. И определение меланхолии звучит как болезнь желания, организованная вокруг нарциссической потери.

Безусловно, содержание меланхолии больше обычной печали. Не оставляет без внимания Фрейд и свойство амбивалентности, присущей любовным отношениям и, наряду с утратой объекта, регрессией либидо в Я, признает ее еще одной предпосылкой меланхолии. При меланхолии внутри ведётся множество отдельных поединков за объект, в которых борются любовь и ненависть: утвердить позицию либидо или избавиться либидо от объекта. Всё это происходит в бессознательном – «царстве следов реальных воспоминаний», где травмирующие переживания могут активировать другое вытесненное. Бегство в Я означает, что любовь не уничтожена, в то время как в сознании это явлено в виде конфликта Я и критической инстанции. Если любовь к потерянному объекту, от которой нельзя отречься, нашла спасение в нарциссической идентификации, то отношение к этому суррогату превращается в ненависть: бранить, унижать, заставлять страдать и получать от этого страдания садистское аутоудовольствие. Это месть первоначальному объекту через самонаказание, избавляющая от необходимости показывать свою враждебность непосредственно. Соответственно, через садизм, по мнению Фрейда, раскрывается загадка самоубийства: Я может убить себя только когда в результате возвращения объектной нагрузки оно может обращаться с собой как с объектом, когда оно может направить на себя враждебность, относящуюся к объекту [2, с. 183]. Для Лакана суицид меланхолика связан с несостоятельностью дискурса, где более невозможна речь. Интересно то, как Лакан связывает в данном контексте любовь (*l'amour*) и смерть (*la mort* – умереть), подводя к выводу, что меланхолия – это состояние, в котором субъект ничтожен в сравнении с объектом любви, а сама любовь связывается с влечением к смерти.

Для Лакана меланхолия – несуществующая структура, это страсть бытия, которую он размещает среди психозов, выделив при этом особо категорию боли существования. По его мысли, диалектика лишения возникает лишь вокруг того, что субъект может символизировать. И, вероятно, конституирование меланхолического субъекта происходит иным образом и связано это с первичной символизацией, вводящей субъекта в подчиненную позицию по отношению к материнскому закону. Всё это неизбежно отсылает нас к стадии зеркала (аналогия с игрой в катушку как фазе первичного нарцизма, (*Fort/Da*), которую описывал в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд), первым логическим тактом Эдипа (ребенок – объект материнского желания), что связано с образованием инстанции идеального я. Это идеальное я, вероятно, предполагает обретение образа социального идеала, позволяющего меланхолику вписываться в сеть социальных отношений. Любое несовершенство – триггер распада нарциссического образа вплоть до финального уничтожения. Это

отвержение собственным идеалом, которое организует такое положение для субъекта, когда всякое возможное значение для субъекта оказывается исключенным. Меланхолия, по Лакану, – это отказ от первичной символизации, принципиальная невозможность символизировать пустоту, связанную с уходом матери.

Рассуждение о причинах отнесения Лаканом меланхолии к психозам, может быть обосновано механизмом отбрасывания Имени-Отца. И общим здесь является невозможность произвести операцию метафоризации желания Другого. При этом, стоит обозначить и различие, когда психотический субъект пребывает в позиции объекта материнского Другого, а меланхолический субъект отбрасывает Другого вместе с наслаждением, от которого он отказывается быть зависимым и замещает ненавистный объект частью Я.

По прошествии времени меланхолия проходит. Вероятно, это связано с тем, что каждый конфликт амбивалентности ослабевает фиксацию «липучего» либидо на объекте, унижая, обесценивая и, в конечном итоге, «убивая» его, а Я наслаждается тем, что признает себя лучше, чем объект. Однако, обращаясь к «Я и Оно», можно заметить, что тема расщепления Я и тема смерти, а конкретно самоубийства меланхолика звучит у Фрейда всё настойчивее. И если скорбь позволяет субъекту отречься от утраченного объекта, то меланхолия говорит об отречении от Я: «в Сверх-Я отложился и обратился против Я деструктивный компонент. То, что теперь господствует в Сверх-Я является чистой культурой влечения к смерти, если только до этого оно не защитилось от своего тирана, превратившись в манию» [2, с. 295]. Лакан говорит, что объект меланхолии берет верх, что вынуждает «пройти сквозь собственный образ, разрушить его, чтобы там, внутри, достичь, наконец, того *объекта a*, который выходит за его пределы, справиться с которым он бессилён» [1, с. 417]. Страх смерти при меланхолии, по мнению Фрейда, имеет лишь единственное объяснение, связанное с тем, что отказ Я от самого себя происходит по причине того, что Сверх-Я его ненавидит. Жить для Я – быть любимым Сверх-Я, которое здесь выступает представителем Оно. Я ощущает себя покинутым и позволяет себе умереть. Распад Я приводит к разоблачению того *объекта a*, с которым субъект воссоединяется/идентифицируется в моменте самоубийства, отбросом символического порядка. Сообразно представлениям Лакана, меланхолику в этом моменте присуща механичность, автоматизм и отчуждение самого акта суицида. «Выход в окно» как один из распространенных вариантов этого акта, с точки зрения Лакана, также не случаен. Окно – это «рамка фантазма», возвращающая в состояние «принципиальной изъятости из мира» [1, с. 137].

Подводя итог, можно заключить, что психоаналитическое рассмотрение феномена меланхолии подразумевает специфическое рассмотрение устройства психического пространства: Я и интроецированный объект желания/утраты, процесс, похожий на скорбь, но невозможный для её рабо-

ты. Меланхолия – это особенный способ проживания человеческого бытия во времени, имеющий определенные предпосылки психосексуального становления субъекта, связанный со своеобразным уходом от реальности, непризнанием утраты, чувством бесконечной внутренней пустоты при одновременном тотальном заполнении истинного Я объектом-фантазмом, невозможна в своем изнеможении, но находящая свое неповторимое художественное воплощение в творчестве.

Список литературы

1. Лакан Ж. Тревога. Семинар, Кн. X (1962/63) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис, Логос, 2010. 424 с.
2. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. СПб.: ВЕИП, 2020. Т. 13. Статьи по метапсихологии. Т. 14. Статьи по метапсихологии 2 / пер. с нем. Андрея Боковикова. 384 с.
3. Фрейд З. Хрестоматия: в 3 т. / пер. с нем. Андрея Боковикова. М.: Когито-Центр, 2016. Т. 3: Изобразительное искусство и литература. 312 с.

ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF MELANCHOLIA IN THE PSYCHOANALYTIC DISCOURSE OF S. FREUD AND J. LACAN

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article examines the phenomenon of melancholy as a special way of human existence in time. The psychoanalytic perspective of Freud and Lacan, who studied this phenomenon, offers a specific consideration of the structure of psychic space: the Self and the introjected object of desire/loss, a process similar to grief, but impossible for it to work. In the context of the work, a consistent comparative analysis of the approaches to melancholia of Freud and Lacan is carried out. The essential features of their research strategies are revealed. Their findings are problematized and discussed in terms of significance and heuristic possibilities.

Keywords: *libido, ego, superego, object, loss, desire, narcissism, ambivalence, melancholy, sadness, mourning.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru.

Author information:

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD (Philosophy), Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 15.02.2024.